

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2022

Ростов
2023

УДК 94(470.316-21)(082)

ББК 63.3Яр

И90

Сборник материалов научной конференции
«История и культура Ростовской земли», выходит с 1991 года

Научный редактор Я. Е. Смирнов

История и культура Ростовской земли. 2022 /
И90 Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». –
Ростов, 2023. – 368 с. : ил.
ISBN 978-5-6046011-4-3

В сборнике опубликованы материалы XXXII научной конференции «История и культура Ростовской земли», состоявшейся в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» 8–10 ноября 2022 г.

УДК 94(470.316-21)(082)

ББК 63.3Яр

ISBN 978-5-6046011-7-4

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2023

Содержание

Чирков С. Ю. (<i>Ярославль</i>). Монгольское нашествие в фольклоре Ростовской земли	5
Полознев Д. Ф. (<i>Ярославль</i>). Военно-политические и религиозно-символические аспекты основания города Ярославля ростовским князем Константином Всеволодовичем в начале XIII века	14
Аверьянов К. А. (<i>Москва</i>). Был ли ростовец Борис Ворков первым помещиком на Руси?.....	28
Пуцко В. Г. (<i>Калуга</i>). Поникаровский деисусный чин: проблема локализации	33
Важская М. А. (<i>Москва</i>). Уточнение атрибуции икон «Архангел Гавриил» и «Архангел Михаил» из коллекции Михаила Ивановича Чуванова	48
Казаков А. А. (<i>Москва</i>). Летописчик белозерского старца Германа Подольного рубежа XV–XVI вв.: хронологический аспект	70
Сергеев А. В. (<i>Санкт-Петербург</i>). Общественное и служебное положение ростовских Рюриковичей в первой половине XVII века	76
Пушков В. П. (<i>Москва</i>). Московские стрельцы и книга в XVII веке (по архиву приказа книгопечатного дела).....	90
Иванов Л. М., Гожалимова О. С. (<i>Рыбинск</i>). Рыбная слобода в 1654-м году	100
Мельник А. Г. (<i>Ростов</i>). Спасская Ружная церковь в Ростове.....	110
Пак В. Ф. (<i>Ростов</i>). Атрибуция иконы «Избранные лики Богоматери с распятием Христовым и Ростовскими чудотворцами» из частной коллекции.....	129
Философова Т. Г. (<i>Москва</i>). К истории одного портрета	147
Киселев Ал-й В. (<i>Ростов</i>). «Ярославские губернские ведомости» (1831–1917) как источник по традиционной культуре населения Ярославской губернии (на материалах Мышкинского и Угличского уездов)	157
Виденеева А. Е. (<i>Ростов</i>), Соколова Г. Г. (<i>Ростов</i>). Диакон ростовской церкви Николы на Всполье Элладий Громцев (1842–1928)	173

Никитина Т. Л. (<i>Ростов</i>). К архитектурной истории Самуилова корпуса в Ростовском кремле: Димитриевское духовное училище	195
Артемичева Е. Г. (<i>Ростов</i>). Ростовские финифтяники на Ярославских губернских сельскохозяйственных и промышленных выставках во второй половине XIX – начале XX в.	210
Стародубов Ю. В. (<i>Москва</i>). Изразцовое наследие Романова-Борисоглебска. Опыт изучения и сохранения	222
Белова Н. В. (<i>Ярославль</i>). Типография Германа Фалька в Ярославле	251
Брюханова Е. В. (<i>Ростов</i>). Юбилейный текстиль и платки в собрании Ростовского музея	265
Степанов К. А. (<i>Ростов</i>). Первая Мировая война: поставка лошадей в армию из Ростовского уезда Ярославской губернии	289
Чекмасов Д. Н. (<i>Ярославль – Ростов</i>). Уникальные книги первой четверти XX века из фонда научной библиотеки ГМЗ «Ростовский кремль»	297
Мельник Л. Ю. (<i>Ростов</i>). Акафисты в собрании музея-заповедника «Ростовский кремль»	305
Кривцова А. С. (<i>Москва</i>), Востокова М. В. (<i>Москва</i>). Анна Николаевна Арсеньева: три письма из Ростова	311
Морозов А. Г. (<i>Ростов</i>). Музейный опыт изучения крестьянских домов Ростовского уезда	326
Виденеева А. Е. (<i>Ростов</i>), Садовников В. А. (<i>Переславль-Залесский</i>). Колокол как предмет экспонирования в отечественных музеях	340
Уткин Д. Е. (<i>Ярославль – Ростов</i>). Археологические разведки в окрестностях села Хопылево Рыбинского района в 2022 году	359
Список сокращений	367

РЫБНАЯ СЛОБОДА В 1654-М ГОДУ

Иванов Леонид Михайлович,
Рыбинская археологическая экспедиция
г. Рыбинск
Гожалимова Оксана Сергеевна,
Заместитель директора
Рыбинский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
г. Рыбинск

В статье описываются региональный аспект событий 1654 года в Московском государстве, в том числе борьба с моровой язвой. На примере Рыбной слободы рассматриваются потери населения, строительство храма в память об избавлении от эпидемии, учреждение крестных ходов. Проводится аналогия с другими городами – Ярославлем, Шуей, Вологдой, Казанью, Костромой и др.

Ключевые слова: Моровая язва, Спасо-Преображенский собор, Рыбная слобода, рыбный налог.

RYBNAYA SLOBODA IN 1654

Leonid Mikhailovich Ivanov,
Rybinsk Archaeological Expedition
City of Rybinsk
Gozhalimova Oksana Sergeevna,
Associate Director
Rybinsk State Historical, Architectural
and Art Museum-Reserve
City of Rybinsk

The article describes the regional aspect of the events of 1654 in the Moscow state, including the fight against pestilence. On the example of the Fish settlement, the losses of the population, the construction of a temple in memory of getting rid of the epidemic, the establishment of religious processions are considered. An analogy is drawn with other cities – Yaroslavl, Shuya, Vologda, Kazan, Kostroma, etc.

Keywords: Pestilence, Spaso-Preobrazhensky Cathedral, Rybnaya Sloboda, fish tax.

Отражение «большой» истории в «малой», в региональных и локальных фокусах всегда легче увидеть в периоды, наполненные переломными, подчас – трагическими событиями. 1654-й г. был наполнен

событиями, значимыми для всего Московского царства, по-разному отразившимися на жизни дворцовой ловецкой Рыбной слободы Ярославского уезда.

В январе 1654 г. боярин В. Бутурлин привел к присяге казаков Б. Хмельницкого на Переяславской Раде. В верности Московскому царю присягнули представители 14 из 17 казачьих полков. Это стало причиной для войны с Польшей, начавшейся в июне 1654 г. и продолжавшейся 13 лет. С начала войны царь Алексей Михайлович находится при войске, под Смоленском.

Весной в конце марта – начале апреля 1654 г. Поместный собор с участием патриарха Никона и царя Алексея Михайловича одобрил начатые церковные реформы, взявшие за образец греческую церковь. При этом у реформы сразу проявились многочисленные противники во главе с протопопом Аввакумом. Для них случившаяся спустя несколько месяцев эпидемия моровой язвы представлялась очевидной небесной карой за действия против старых канонов, закрепленных столетие назад Стоглавым собором.

С лета 1654 г. по февраль 1655 г. в Московском государстве продолжалась эпидемия «моровой язвы» – одна из самых масштабных в истории России.

Несмотря на то, что об эпидемии середины XVII в. имеется достаточно документов, достоверно неизвестно, откуда она пришла. Местное происхождение для этой болезни исключено – считается, что севернее 50° северной широты природные очаги чумы не распространяются [1]. Всего вероятнее, что эпидемия двигалась по торговым путям – сухопутным и речным.

В 1652-м г. мор поразил Украину (входившую тогда в Речь Посполитую), а к лету 1654 г. попал в Центральную Россию, первоначально двигаясь с юга на север по Волге. В Москве оставалась царица Мария Милославская с маленькими детьми. Фактически управление осуществлял патриарх Никон от имени малолетнего «государя царевича и великого князя» Алексея Алексеевича Романова [2, № 119. II, с. 443].

Чем крупнее был город, тем большим было заражение, поэтому в Москве моровая язва приняла особенные масштабы. Алексей Михайлович поручил патриарху вывезти царскую семью из Москвы: в июле месяце Никон отправился с ними сначала в Троице-Сергиев, а затем – в Калязинский Макарьев монастырь. Отъезд патриарха и царского двора вызвал «чумной бунт» в столице. Вслед за этим из города по окрестностям побежали жители – и именитые, и не очень. Люди бежали от болезни, а на самом деле – разносили ее по еще не зараженным местам. Современный событиям Летописец 1619–1691 гг. так описывал наполненное трагедиями, ужасом смерти и мародерством происходившее: «... Людие же ... не убояшася страха божия, ... пожитки после умерших начаша имати и грабить серебро, и злато, и многоценныя одежды... прино-

шаху в дома своя, а телеса умерших презреша и не радеша о них, оставляху в домех... И тою дияволею прелестию погубиша сами себе и дома своя, взявшия чужая, ни един здрав не бысть, но вси помирающе и з домашними своими. Умерших же телеса лежаше толико много не во единых дворех, и по улицам, яко дрова. И насыщашеся тех умерших телес псы и скоти, свинии и птицы растерзающе...» [3, с. 182].

Рассмотрим подробнее, как же моровая язва повлияла на жизнь в Рыбной слободе. В слободе, как во всем Ярославском уезде были введены карантинные меры. Судить об этом можно по переписке, которую царский двор и патриарх вели в то время с окрестными городами и монастырями. Например, в двадцатых числах сентября грамоты отправляются воеводам в Ростов, Переславль-Залесский и Ярославль.

Ярославскому воеводе боярину Лаврентию Дмитриевичу Салтыкову напоминалось о том, что им оставлен без ответа отправленный еще 24 августа запрос относительно развития эпидемии в Ярославле и Ярославском уезде, в состав которого входила и Рыбная слобода: «... отписать к нам..., в городе в Ярославле, и в слободах тишеет ли моровое поветрие, и сколько человек от морового же поветрия померло, и в которых слободах, и есть ли такие слободы что морового поветрия не было, и монастыри, которые в Ярославле и около Ярославля, от морового поветрия уцелели ль...» [2, № 119, XXI, с. 454]. Кроме этого, воеводе давались указания обеспечить необходимую, по представлениям той поры, социальную изоляцию зараженных: «от Москвы и от иных городов, около Ярославля и в Ярославском уезде дороги засечь и заставы поставить крепкие..., а в которых дворех моровое поветрие на люди объявится, и ты бы тех дворов мертвых велел погребать во всем платье в чем они, и на чем умерли, в тех же дворех достальным тех же дворех людем, и те дворы велел обламывать и ставить сторожи крепкие, чтобы из тех дворов достальные люди никто не выходили, также бы и в те дворы никто не входили, а в которых дворах колодезей нет, и ты бы к тем дворам велел сторожем приносить...» [2, № 119, XXI, с. 454].

В грамоте из Калязина монастыря от 7 октября ярославскому воеводе предписывалось соблюдать ранее установленный порядок изоляции дворов заболевших людей, а также продлить запрет на торговлю Ярославля с населенными пунктами уезда: «... торговым людем велено приказать накрепко, чтоб они для нынешнего морового поветрия, из Ярославля в уезд, в села и в деревни ни с какими продажными товарами не ездили, и из Ярославского уезду, из сел и из деревень в город Ярославль и на свои дворы приезжих всяких чинов людей никого ни с чем не пускали, и ничего у них не покупали, и им потому ж ничего не продавали, чтоб от приезжих людей моровое поветрие не множилось» [2, № 119, XXXIX, с. 470]. 17 октября еще одной грамотой ярославскому воеводе повторно предписывалось жестко контролировать, чтобы никто из священников не приходил исповедовать и причащать больных или отпевать умерших [2, № 119, LVI, с. 484].

Летом 1654 г. в Рыбной слободе случилось чудо, остановившее, по мнению современников, моровую язву. Мы узнаем о нем из официального документа, изданного на полвека позже. Другие источники с описанием этого события пока неизвестны (хотя наличие длительной литературной традиции повестей о чудесах в Ярославле и Угличе все же оставляет шанс обнаружить их среди сочинений XVII–XVIII вв.). Особым указом «великого государя Царя и великого Князя Петра Алексеевича» в 1701-м г. была дана памятная грамота «Рыбной слободы закону старосте Преображенскому попу Василию, жителям земских дел, бургомистру Федору Ильинскому со товарищи». В нем напоминалось, что «на реке Юге в Дорофееве пустыне образ Чудотворной Пресвятыя Богородицы Одигитрии из давних лет... в прошлых годах, когда было моровое поветрие и тоя Богоматери чудотворный образ подымали соборне со Святыми Кресты и к вам в Рыбную слободу, с ее Богоматери пришествием у вас в Рыбной слободе моровое поветрие перестало». В память тех событий указ устанавливал, что «ради душевного спасения и телесного здравия поднять к вам со Святыми Кресты соборне в Рыбную слободу в нынешнем... году, в нынешний Святой пост Петров и был бы у вас в святой церкви неделю ныне и впредь на все годы для молебного пения и обхождения со святыми Кресты круг Рыбные слободы не возбранно ... велеть тот чудотворный образ Пресвятыя Богородицы встретить и впредь встречать и приносить в Рыбную слободу...» [4, с. 25]. Так царский указ закрепил традицию, которая затем существовала до 1917 г.

Сам факт чудесного избавления от моровой язвы после искренней коллективной молитвы жителей Рыбной слободы был типичен для тех дней. Описания многих храмов, монастырей во многих городах, переживших моровую язву, содержат упоминания о подобных чудесах. Многие крестные ходы, учрежденные в то время, сохранялись, как и рыбнослободский, в течение столетий.

Например, в верхнем течении Мологи, при схожих обстоятельствах был учрежден Большой Бежецкий Крестный ход с иконами Божией Матери «Теребенская» и образом Святителя Николая Чудотворца [5, с. 86]. В Костроме в память от избавления от моровой язвы проходило три крестных хода с иконой Федоровской Божией Матери, первый из которых также, как и рыбинский, происходил в Петров пост [6, с. 53]. Похожая традиция установилась в Казани, где после принесения крестным ходом в город из Седмиезерной пустыни иконы Смоленской Божьей Матери моровая язва пошла на убыль [7, с. 32]. В «Угличском летописце» XVII в. рассказывается, что моление перед иконой Боголюбской Божией Матери в храме Царевича Дмитрия-на-крови остановило эпидемию моровой язвы в городе, в честь чего был учрежден городской крестный ход [8, с. 46–49]. В Земляном городе Ярославля, в деревянной Троицкой церкви случилось обретение чудотворной иконы Смоленской Богоматери, с которой был совершен крестный ход, и «язва оная смертоносная преста», в память о чем

ростовский митрополит Иона Сысоевич учредил ежегодный крестный ход, а на Поклонной горе, «у врат града Ярославля» со стороны Ростова, по его указу был установлен памятный Голгофский крест [9, с. 428; 10, с. 14; 11, с. 19].

Вплоть до закрытия советской властью в рыбинском соборе перед левым клиросом постоянно находился серебряный киот со списком иконы Югской Божией Матери в жемчужной ризе с алмазною звездой. В те летние дни, когда из Югской Дорофеевой пустыни приносили крестным ходом самую чудотворную икону, ее ставили вместо киота.

Не только знаменами запомнились месяцы моровой язвы. Вера людей, напуганных массовыми заражениями и гибелью их родственников, знакомых, соседей, была двигателем и других масштабных поступков. В Вологде за один день была сооружена «обыденная» Спасская церковь, а местный иконописец по обету за один же день написал для храма икону [12]. В Шуе жители собрали средства и заказали список со Смоленской иконы Божьей Матери, написанный за семь дней, после чего эпидемия в посаде начала затихать, а Шуйская икона Богородицы стала почитаться как чудотворная [11, с. 26].

В Рыбной слободе, помимо чуда иконы Югской Божией Матери, по нашему мнению, также можно найти следы подобного поступка. До сих пор никто не сопоставлял события моровой язвы в слободе и сообщенную настоятелем Спасо-Преображенского собора. Матвеем Гомилевским в первом труде по истории города «Описание города Рыбинска» 1837 г. дату закладки каменного храма в 1654-м г. [13, с. 60]. Предположение о наличии взаимосвязи между закладкой собора и эпидемией, пришедшей в Слободу, по нашему мнению, напрашивается, само собой.

Тем более что само посвящение собора Спасителю перекликалось с примером сооружения в моровую язву «обыденной» Спасской церкви в Вологде [12]. «Обетной церковью» был и сооруженный в том же году деревянный храм Спаса на Торгу в Ростове¹. В начале XVII в. при схожих обстоятельствах в Ярославле был сооружен «обыденный» Спасо-Пробоинский храм [14, с. 213–214]. Победа над эпидемией могла быть сильнейшим мотивом для оставшихся в живых «рыблян» обратиться к ростовскому митрополиту Ионе Сысоевичу за благословением на закладку каменного храма для того, чтобы поблагодарить таким образом Бога за чудо избавления от чумы. Первый каменный собор после закладки в 1654 г. был построен за 6 лет и освящен в 1660 г.

Попробуем оценить масштаб «моровой язвы» в Рыбной слободе. Несмотря на распространенное мнение о том, что моровая язва и началась в Рыбной слободе одной из первых в Московском царстве, и завершилась рано — 3 июня (этим днем обозначено чудо Югской иконы Богородицы) скорее всего, у эпидемии были последовавшие за первой

¹ См. статью в настоящем сборнике А. Г. Мельника «Спасская ружная церковь в Ростове».

летней волны. Об этом свидетельствуют данные следующего документа: «октября в 11 день, в роспросе, сказал астраханец сын боярской Григорей Ростопчин: послан де я... из Астарахани, к государю с арбузы... а в Ерославле де я был, и пристававал выше города па другой стороне, и боярин де Лаврентий Дмитриевич Салтыков мне сказывал, что дни с три милость Божия есть, престало и потишело; а с Ерославля ехал на Романов, и поветрея на Романове нет и не бывало; а с Романова ехал на Рыбню, и тут не пристававал, сказали мне, что есть на люди упадок; а с Рыбни на Угличь, и на Угличи и в деревнях упадка нет на люди...» [2, № 119, XLIV, с. 477].

Из других документов известно, что Григорий РаSTOPчин не только вез 150 арбузов «в легком стружку», но и грамоты от царицы и Никона воеводам волжских городов от Ярославля до Чебоксар и Козьмодемьянска на обратном пути вниз по Волге [2, XLIV, с. 477, XLVI, с. 478]. Оптимистичные известия сына боярского по Угличу были преждевременными: по соседним с Рыбной слободой территориям Угличского уезда, включая посад Мологу, данные о смертях от моровой язвы докладывались затем в Москву вплоть до 22 декабря 1654 года, а сама эпидемия продолжалась больше трех месяцев [2, № 119, LXXXIV, с. 520; 15].

Обобщая вышеизложенное, можно обоснованно утверждать, что эпидемия в Рыбной слободе, как и в Ярославле, завершилась не ранее осени 1654 г.

Повеление изолировать больных и хоронить умерших прямо во дворах, где они жили, привело к тому, что и 20 лет спустя по окончании моровой язвы, такие дворы в Рыбной слободе никем не заселялись. Например, в Писцовой книге Рыбной слободы 1674/1676 г. указано: «3 места дворовые пусты – Никифорка Аристова; Оски – Чурки, да Ивашки Стафеевскаго, а они Никифорко и Оска, Ивашко в моровое поветрие померли» [16, с. 15]. То есть последствиями принятых в ту пору мер «социальной изоляции» было запустение ряда дворов Рыбной слободы на 20 лет.

Для прояснения демографических последствий моровой язвы для Рыбной слободы интересным представляется сравнение информации о родах и фамилиях «рыблян», упомянутых Писцовой книгой 1674/1676 г. и источниками, содержащими информацию о живших в слободе ранее, в первой половине середины XVII в. Таковым, например, является Синодик Богоявленского Островского монастыря, дошедший до нас в рукописи начала XVIII в. [17, с. 516]². В нем приводятся сведения о поминовении представителей 35 «родов» Рыбной слободы. Понятно, что не все население Слободы было вкладчиками в этот монастырь, поминать их могли и в других окрестных обителях и храмах, но как донесенная временем «статистическая выборка» пример, по нашему мнению, может считаться показательным.

² Авторы выражают благодарность издательству «Медиарост» и его директору В. В. Горошникову за возможность ознакомления с фотокопией рукописи Синодика.

Из 35 рыбинских «родов», поминаемых в Синодике, для более чем трети не находится потомков, владевшими дворами по Писцовой книге во второй половине семнадцатого столетия. При этом фамилии некоторых из них отражаются в перечне пустых дворовых мест (Докучаевское), покосов-пожен (Воиновская, Сутыринская) [18, с. 15], у которых на момент составления Писцовой книги середины 1674 г., очевидно, были уже другие хозяева. Пресечение трети родов могло быть вполне вероятным последствием эпидемии, со временем их дворы оставались по вышеописанным причинам незаселенными.

Документы, касающиеся морового поветрия 1654 г., указывают на факт функционирования судовой пристани в Рыбной слободе (на устье Шексны) к началу эпидемии. Ее появление местная краеведческая традиция относила на полвека позже, к царствованию Петра Первого.

Так, например, одна из грамот угличскому воеводе сообщает: «...по нашему (государеву. — *Авт.*) указу посылал ты (угличский воевода. — *Авт.*) для судов с Углича, вниз по реке по Волге, до устья реки Шекъсны, пушкарей Оверка Степанова с товарищи, и тот Оверка с товарищи прислал на Угличь с Борисоглебские слободы четыре судна...» [2, № 119, XL, с. 470]. О маршруте вниз по Шексне до устья говорит грамота патриарха Никона и царицы Марии из Калязина монастыря от 11 сентября 1654 г. архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Митрофану с братьею, в которой указывается «сына боярского Дмитрия Красненского ... отпустить из Кирилова монастыря... рекой Шексною, а с ним послали монастырского слугу доброго и велели б ему, едучи рекою Шексною вниз, расспрашивать по обе стороны той реки Шексны в селех и приселках и деревнях от реки в пяти и шти (шести. — *Авт.*) верстах, нет ли около той реки в тех селех... на люди морового поветрия, и будет есть, в которых местех и сколь далеко от реки от Шексны...» [2, № 119, XIV, с. 450]. То, что устье Шексны под Рыбной слободой было местом смены судовых команд и расчета с ними, подтверждает поданная годом ранее челобитная белозерцев патриарху: «Белозерские посадские люди в прошлом, 160-м году (1652. — *Авт.*)... по государеву указу приготовили мы суды на реке Шексне... со всяким судовым ходом и с работными людьми... А работных людей было... трое кормщиков да работных гребцов тридцать человек... а работным людям... давали мы до Рыбные слободы по 20 алтын человеку, а кормщикам по полтора рубля человеку...» [19, с. 17].

События на южных границах Московского государства отразились на налоговом и владельческом статусе Рыбной слободы. 8 мая 1654 г. царской грамотой Рыбная слобода вместе с рядом других ловецких слобод в Ярославле и Ярославском уезде была передана в кормление: «...Мы, Великий Государь ...Алексей Михайлович... пожаловали боярина нашего Василья Васильевича Бутурлина за ... его многия службы (по приведению к присяге Войска Запорожского под руководством Б. Хмельницкого. — *Авт.*), ...дворечеством с путем, а в путь пожаловали в Ярославле на по-

саде с ловецких слобод с Дрюлиною, Толчковою, Коровницкою, Благовещенскою, Тверицкою, Петровскою, Кондаковскою, да в городе в Зарядье ловецкой слободы, ... за острогом в улице Киселихе с ловецких людей дворов... да в Ярославском уезде с ловецких с рыбных слобод с Норския, с Борисоглебския, с Рыбныя и таможенных и кружечных дворов, и оброчных денег, и судных дел пошлин всяких... доходов половиною, а сбирати те все доходы ... тем людем, кем наперед сего сбираны..., и тех доходов ... половиною иметь на Великого Государя..., а другую половиною отсылать... к Боярину нашему ...Василию Васильевичу..., а рыбу с тех слобод ловят на нас Великого Государя по прежнему. Да его ж ...Василия Васильевича пожаловали... печатными пошлинами, что емлют с челобитья по полуполтине,.. а на боярина нашего имати по гривне,.. с таможенных и кабацких откупов,.. что емлют на нас по полуосьме деньге,.. на Боярина нашего имати по три деньги,.. с судных дел пошлин, что емлют на нас с рубля по гривне,.. на Боярина нашего... имати по осьми денег...» [20, XIV, с. 227].

Это было уже второй передачей комплекса ловецких слобод в кормление — ранее аналогичная передача состоялась при царе Михаиле Федоровиче в 1645 г. князю А. М. Львову-Ярославскому. Вторая передача будет длиться до 1656 г., до смерти В. В. Бутурлина. В 1676–1680 гг. слобода будет передана «в путь дворянства» в третий раз — на этот раз боярину Б. М. Хитрову.

Все получавшие Рыбную слободу в кормление входили в руководство Приказа Большого Дворца [21, с. 266]. Слободы не переходили в боярское владение, а оставались дворцовыми. Объем налоговых отчислений и организация их сборов в пользу кормленщика каждый раз были различными. При этом рыбный оброк продолжал уплачиваться в Приказ Большого дворца (также, как и таможенные, кабацкие деньги и откуп за перевоз).

Это хорошо видно как из текстов царских грамот, так и из Выписки из окладных приходных книг и счетных памятей Приказа Большого Дворца о размере рыбного оброка с Ярославской рыбной слободы [19, № 4, с. 5–6; 22, л. 1]. Оброк уплачивался за период с сентября по сентябрь. Как и в прежние годы, его размер («оклад»), зафиксированный хлебником Кормового дворца Андреем Суворовым, составлял «тридцать осетров с третью осетра по одиннадцать белых рыбиц по осьми стерлядей больших по осьмнадцати стерлядей средних по тридцати по две стерлядей меньших на год». Вместе с тем фактическая уплата отличалась от оклада — как в связи с неравномерностью уловов, так, вероятно, и по причине нарушившей привычный хозяйственный ритм слободы моровой язвы. В частности, с сентября 1653 по сентябрь 1654 г. было сдано «свежие красные колотые рыбы ... двадцать три осетра мерных, четыре осетрика по полурыбе статьи десять белорыбицы, 10 стерлядей большей статьи, 13 стерляди средние статьи 12 стерлядей меньшие статьи...». С сентября 1654 г. по сентябрь 1655 г. сдано было «две белуги по две рыбы, девять осетров мерных, три

осетрика по полурыбе, пятьдесят три белые рыбицы, четыре стерляди большие статьи, девять стерлядей средние статьи, двенадцать стерлядей меньшие статьи». В документах Большого двorca соответственно была зафиксирована недоплата, но произведен зачет выловленной и сданой сверх «оклада» рыбой – белугами, белорыбницами и «осетриком» [22, л. 2].

Таким образом, целый ряд событий общерусской истории 1654 г. отразились на жизни Рыбной слободы. Наибольшее влияние оказала эпидемия «моровой язвы»: в слободе могло пресечься до трети родов; ряд дворов (где умерли, и, вероятно, были похоронены заболевшие) оставались пустыми и через 20 лет после эпидемии. С избавлением от эпидемии связано установление традиции ежегодного крестного хода из Югской Дорофеевой пустыни в Рыбную слободу; с завершением эпидемии может быть связана закладка в Рыбной слободе каменного Спасо-Преображенского собора. В 1654 году Рыбная слобода в числе прочих ловецких слобод Ярославского уезда и города Ярославля была передана в кормление боярину В. Бутурлину за приведение им к присяге царю Алексею Михайловичу казаков Б. Хмельницкого. При этом рыбный оброк продолжал уплачиваться в Приказ Большого Дворца.

Поиск и анализ новых источников поможет дополнить картину влияния общерусских событий на жизнь и развитие Рыбной слободы в те или иные периоды XVII в.

Список источников и литературы

1. Метелкин А. И. История эпидемии России. М., 1960 [Электронный ресурс] <http://www.med24info.com/books/istoriyaepidemii-rossii/glava-vepidemii-na-rusi-v-xvii-veke-28721.html> (дата обращения: 6.11.2022).
2. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 3. 539 с.
3. Полное собрание русских летописей. М., 1968. Т. 31. 262 с.
4. Югская Дорофеева общежительная пустынь. 1894. 206 с.
5. Домбровская В. Е. Крестные ходы и их роль в развитии паломничества и религиозного туризма (на примере Тверской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. № 3. Т. 13. С. 79–91.
6. Митрополит Костромской и Нерехтский Ферапонт (Кашин). Материалы по истории чудотворной Феодоровской иконы Божией матери в XIX веке. Ч. 3. Окончание // Костромская духовная академия. Ипатьевский вестник. 2021. № 1 (13). С. 49–68.
7. Идрисова Р. О принесении иконы Смоленской Божьей матери в Казань // «Гасырлар авазы – Эхо веков». 2012. № ¾. С. 32–40.
8. Томсинский С. В. Чудо 1654 г. в Угличе в агиографической традиции и материалах раскопок Угличского кремля // Исторический формат. 2020. № 3. С. 45–53.
9. Рутман Т. А. Храмовоздательная деятельность митрополита Ионы в Ярославле // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2003 г. Ростов, 2004. С. 428–460.

10. Шабасова О. И. Ярославские сказания о чудотворных иконах в историко-культурной традиции края (XVII – начало XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. 18 с.

11. Авдеев А. Г. Два малоизвестных свидетеля морового поветрия 1654–1655 г.: памятные кресты из Старой Руссы и Шуи // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2021. № 1 (21). С. 13–34.

12. Сказание о моровой язве. // Вологда: Историко-краеведческий альманах / публ. Н. Малининой. Вып. 2. Вологда, 1997 [Электронный ресурс] <https://www.booksite.ru/fulltext/vol/ogd/atwo/25.htm#42> (дата обращения: 6.11.2022).

13. Гомилевский М. И. Описание города Рыбинска, составленное попечением рыбинского градского главы, почетного гражданина Федора Тюменева и изданное на его иждивении при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел / [прот. Матфий Гомилевский] // Старый Рыбинск. История города в описаниях современников XIX–XX вв., Рыбинск, 1993. С. 53–112.

14. Полознев Д. Ф. Ярославские сказания о чудотворных иконах XVII века: источниковедческие аспекты исследования // История и культура Ростовской земли. 2018. Ростов, 2019. С. 207–218.

15. Высоцкий Н. Ф. Чума при Алексее Михайловиче 1654–1655. Казань: тип. Имп. ун-та, 1879. 25 с.

16. Писцовая книга дворцовой Ловецкой рыбной слободы 1674, 1675 и 1676 гг. /под ред. И. Н. Ельчанинова. Ярославль: на средства почетного чл. О-ва Е. С. Калашникова, 1917 (на обл. 1918). 74 с.

17. Лукьянов В. В. Краткие сведения о рукописных собраниях городов Ростова, Щербакова и Тутаева Ярославской области // Труды Отдела древнерусской литературы института русской литературы. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 514–517.

18. Иванов Л. М. Рыбинские монастыри XV–XVII вв.: новые источники // Рыбная слобода. 2022. № 1. С. 7–17.

19. Акты, относящиеся к истории Ярославской губернии / изд. под ред. Ф. А. Бычкова. Вып. 1. Ярославль: тип. Губ. правл., 1889. 28 с.

20. Древняя российская вивлиофика. СПб., 1790. Ч. 15. 438 с.

21. Талина Г. В. Чиновная лестница Московского царства в третьей четверти XVII века // Преподаватель XXI век. 2014. № 1. С. 258–273.

22. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 532. Оп. 2. Д. 988. Л. 1–3.